

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДЕРЖАВИН И ПУШКИН

С.Б. Прокудин

Prokudin, S.B. Derzhavin and Pushkin. The article discusses the influence of G.R. Derzhavin's poetry on the formation of A.S. Pushkin's artistic and poetical style. The themes and ideas of the 18th-century poet's works and the artistic means of their realisation turned out to be close to Pushkin's creative work.

«О громкий век военных споров, Свидетель славы россиян!» – так скажет о восемнадцатом веке юный Пушкин в своей первой героико-патриотической оде «Воспоминания в Царском Селе» (1814). А в 1834 году, уже будучи автором поэмы «Медный всадник», он существенно дополнит характеристику русского XVIII века. Он скажет о России в движении и строительстве, когда она становилась мощным очагом мысли и духа: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, – при стуке топора и громе пушек <...> Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» [1].

В творениях Державина «полное выражение, живая летопись, торжественный гимн, пламенный дифирамб века Екатерины, с его лирическим воодушевлением, с его гордостью настоящим и жаждою великих дел...» [2]. По словам Белинского, господствующим чувством Державина был патриотизм. Вот почему важнейшим смыслом всей его деятельности явилось желание выразить живое чувство нации, своим пером участвовать в устроении державы. В стихотворном посвящении Екатерине II собрания сочинений он подчеркнет именно это качество своей поэзии: «Героев и певцов вселенна не забудет; В могиле буду я, но буду говорить». Самодержавное государственное величие России слышится у него везде. Недаром Гоголь склонен был считать Державина «пев-

цом величия» по преимуществу. «О Державине можно сказать, что он – певец величия. Все у него величаво: величав образ Екатерины, величава Россия, созерцающая себя в осьми морях своих» [3]. В этом смысле поэзия Державина была эхом русского народа, боевые подвиги которого поэт прославлял всю жизнь: «Осень во время осады Очакова» (1788), «На шведский мир» (1790), «На взятие Измаила» (1790), «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797), «На победы в Италии» (1799), «На переход Альпийских гор» (1799), «Снегирь» (1800), «Атаману и войску Донскому» (1807), «Заздравный орел», «Гимн лиро-эпический. На прогнание французов из Отечества» (1813) и другие. Даже там, где героическая тема не является основной, возникают ее мотивы: «Изображение Фелицы», «Решемыслу», «На смерть графини Румянцевой», «На счастье», «Соловей», «Евгению. Жизнь Званская», «Развалины» и т. д., и т. д. «Чья Россос тверже добродетель? Где больше духа высоты?» – лейтмотив поэзии Державина. Вот, например, картина неотвратимого движения русских воинов, атакующих неприступные твердыни Измаила:

Идут в молчании глубоком
Во мрачной страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,

Когда на бой, на смерть идет,
.....
Они молчат, идут вперед [4].

Истоки духовной силы россов Державин видит в их истории. Он говорит о народной крепости и силе во время тяжкого испытания – татаро-монгольского ига: «Я вижу страшную годину: Его три века держит сон <...>, Лежал он во своей печали, Как темная в пустыне ночь; Враги его рукоплескали, Друзья не мыслили помочь, Соседи грабежом алкали...». И далее:

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел...
.....
О, росс! твою лишь добродетель
Таких великих дел содетель (с. 52, 53).

Героическая мощь, ослепительные военные триумфы наложили печать и на поэтику Державина, подсказали ему звуки и слова, исполненные подобного же величия и силы: «О, россы! нет вам, нет примеру, И смерть сама вам лавр дает»; «Я здесь пою лишь браней честь. Нас горсть – но полк лежит пред нами; Нас полк – но с тысячами и тьмами Мы низложили город в персть» («На взятие Измаила»); «Таков и росс средь горных споров; На галла стал ногой Суворов, И горы треснули под ним» («На переход Альпийских гор»); «Полки его из скрытых станов, Как холмы в море из туманов» («Водопад»).

Интересно национальное видение мира в патриотической лирике Державина. В оде «Изображение Фелицы» он дает монументальный образ русской земли, который по своему народно-патриотическому размаху напоминает картину русской земли в «Слове о полку Игореве». Действие «Слова» разворачивается на огромном пространстве от Новгорода Великого на севере до Тмутаракани (на Таманском полуострове) на юге, от Волги на востоке до Карпат на западе. Такой же былинный размах русской земли у Державина.

Престол ее на Скандинавских,
Камчатских и других горах,
От стран Таймурских до Кубанских
Поставь на сорок двух столпах¹,
Как восемь бы зеркал стояли

Ее великие моря;
С полнеба звезды освещали,
Вокруг багряная заря (58).

Только большой поэт мог так неожиданно и ярко сказать об огромности России, не бо которой не покидает солнце, – «Вокруг багряная заря». Влияние былинных образов и «Слова о полку Игореве» несомненно в оде «Атаману и войску Донскому», в которой прославляется доблесть атамана Платова.

В траве идешь – с травой равен;
В лесу – и равен лес с главой;
На конь вскочнешь – конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой.
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь – и следу нет;
По влаге ль белой гусем белым
Плывешь ты в день – лишь струйка след [5].

В стихотворении «Заздравный орел» ошутимы мотивы народной солдатской песни:

О! исполать ребяты,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем [6].

В образе «Росса» поэт объединяет все народы России: «Народы, света с полукруга, Составившие россов род» (205). Державин не раз напишет об исторической миссии России, которая, по словам Пушкина, остановила нашествие монголов «на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь... Образующееся просвещение было спасено...» (VII, 306). У Державина: «Ничто, коль росс рожден судьбою От варварских хранить вас уз» (55). Он скажет о русском народе как о народе «незавоевательном по природе племени и по условиям своей исторической жизни» (С.М. Соловьев).

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, турк, перс, прусс, фин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены,
Там паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил (53).

¹ Имеется в виду разделение России на губернии.

При очевидной устарелости для современного читателя языка державинской поэзии (бесконечные архаизмы, усечения, труднейшие синтаксические обороты, сложность метафоры и т. д.) поэт удивительно современен: «Я рад отечества блаженству; Дай больше, небо, таковых, Российской силы к совершенству, Сынов ей верных и прямых!» (132). Он как бы перемещается из своих исторических границ в нашу эпоху:

Тебе – так россу только можно
Отечества представить дух –
Услуги верной ждать не должно
От иностранных слабых рук.
И впрямь: огромность исполина
Кто облечет, кроме сына
Его, и телом и душой?
Нам тесен всех других покров (184).

Такое перемещение неслучайно. Поэзия Державина, исполненная сознанием высокой ответственности за державу, за ее достоинство, честь и благо, формировалась в то время, «Когда Россия молодая, В бореньях силы напрягая», заявила о себе во весь голос. Теперь опять остро поставлен историей вопрос о государстве российском, и поэзия Державина оказалась созвучной новым исканиям России. Пушкину суждено было совершить качественно новый рывок в самовыражении русской нации. Но Пушкин придет не на пустое место. Уже был Державин.

«Алмазна сыплется гора» – так начинает Державин одно из лучших своих стихотворений. Можно без преувеличения сказать, что державинские поэтические алмазы насытили, украсили русскую поэзию, стали достоянием русской литературы. Привычные со школы представления о связи тех или иных образов, мотивов и т. д. с именем того или иного поэта вдруг оказываются ложными. Не Баратынский первый сказал: «Век шествует своим путем железным...», а Державин: «Век шествует своим путем». Знакомая с детства картина, нарисованная Тютчевым в последней строфе стихотворения «Весенняя гроза», уже живет в державинском стихотворении «Геба».

Державин
Из опалего неба
Со Олимпа высоты
Вижу, идет юна Геба,
Лучезарны красоты!
Из сосуда льет златого
В чашу злату снедь орлу [5, с. 28].

Тютчев

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокопийный кубок с неба,
Смеясь на землю пролила [7].

Несколько строф в стихотворении Державина «Вельможа», рисующих израненного героя, вдову, бесстрашного старого воина, которые ожидают пробуждения вельможи, живо воскрешают в памяти «Размышления у парадного подъезда» Некрасова.

Державин

Проснись, сибарит! – Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голоса не внемлешь (107).

Некрасов

Пробудись! Есть еще наслаждение,
Вороти их! В тебе их спасение [8].

Даже ситуация в блоковой поэме «Двенадцать» – Христос, идущий впереди отряда, могла быть подсказана Державиным.

Не бард ли древний, иступленный
Волшебным их ведет жезлом?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними идет со крестом (49).

Пушкин, как никто другой, использовал опыт великого предшественника, развивая и совершенствуя достижения своего литературного «отца».

Державин

Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плести (37).
Будь на троне человек... (207).
Чтоб черная змея мне
Сердце угрызала (196).
Едешь – и зришь злак, небо, лес, воды
Милу жену, вокруг рошу сынов (191).
Скользим мы бездны на краю (77).

Пушкин

Арист, не тот поэт, кто рифмы плести умеет
(I, 23).
Герой, будь прежде человек (V, 536).
Змеи сердечной угрызенья (III, 59).
Но около корней их устарелых...
Теперь младая роща разрослась... (III, 345).
И бездны мрачной на краю (V, 419).

Стихотворение Пушкина «Заклинание» (1830), обращенное к умершей женщине, во многом опирается на стихотворение Державина.

вина «Призывание и явление Пленеры» – умершей его жены.

Державин

Приди ко мне, Пленера,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобьи тени,
В мечте иль в легком сне (229).

Пушкин

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
.....
Я тень зову, я жду Леилы:
.....
Явьсь, возлюбленная тень,
.....
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновение... (III, 194).

Если даже не все из этих параллелей в равной степени убедительны, то, во всяком случае, их достаточно, чтобы согласиться с тем, что Пушкин рассеял в своем творчестве драгоценные поэтические перлы Державина в виде отдельных тем, картин, замечаний и так далее. Державинские алмазы, очищенные от штампов тогдашней поэтической культуры, от словесных «красивостей», преобразятся у Пушкина в строгие, классически ясные поэтические создания.

Замечательно сказал Белинский: «...поэзия пушкинская есть вовремя явившаяся и вполне достигшая своей определенности, роскошно и благоуханно развившаяся поэзия державинская» [9].

Начальные семь строф восьмой главы романа «Евгений Онегин» – своеобразная история пушкинской музыки. И вот, уже первая – лицейская – строфа начинается словами Державина – «В те дни...» – из лукаво-ироничной оды «На счастье». Почти половина строф оды открывается этими словами.

«В те дни, когда в садах Лицея Я безмятежно расцветал... В те дни... являться муза стала мне...». И Пушкин называет темы своей лицейской лирики: «Моя студенческая келья Вдруг озарилась: муза в ней Открыла пир младых затей, Воспела детские веселья, И славу нашей старины, И сердца трепетные сны» (V, 165). «Слава нашей старины» – это, конечно, «Воспоминания в Царском Селе». Для своей первой публикации – «К другу

стихотворцу» – он придумал криптограмму Н.К.Ш.П. «Воспоминания...» стали первым стихотворением, под которым поэт написал полностью: Александр Пушкин. День, когда стихотворение было прочитано им на лицейском экзамене в присутствии Державина, стал днем литературного рождения Пушкина. Слова «Старик Державин нас заметил И, в гроб сходя, благословил» говорят не только об известном эпизоде в пушкинской биографии, но и о той роли, которую сыграла державинская поэзия в творчестве Пушкина. В день роковой дуэли последней книгой, которую читает он, была «История России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой. «Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!» – пишет он автору (X, 622).

Таким образом, Россия встретила с Пушкиным – автором стихотворения о героической истории страны и простила с ним, поневоле зачитавшимся (это в такой-то день) книгой о русской истории, обращенной к ее будущему.

Впервые имя Пушкина, начинающего малоизвестного поэта, поставил рядом с именем патриарха отечественной поэзии А.А. Дельвиг в стихах «На смерть Державина»:

Державин умер! чуть факел погасший
дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над
прахом рыдают...
Кто ж ныне посмеет владеть его громкою
лирой? Кто, Пушкин! [10]

Ошибочно рассматривать отношение Пушкина к Державину, основываясь на известном замечании Пушкина в письме к А. Бестужеву: «Кумир Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый донныне еще не оценен». В письме Пушкин высказывает неудовлетворенность общим состоянием литературной критики. Поэтому замечание его скорее упрек критике, не оценившей достаточно высоко талант Державина. Отвечая на вопрос: «Отчего у нас нет гениев и мало талантов?», – пишет: «Во-первых, у нас Державин и Крылов, во-вторых, где же бывает много талантов» (X, 145). Значит, среди немногих – Державин. Даже в письме к А. Дельвику, в котором, как считается, Пушкин дает отрицательную оценку Державину, автор письма говорит о «мыслях, картинах и движениях истинно поэтических», «Державин, со временем переведенный, изумит Европу» (X, 148).

Нельзя согласиться с тем, что Пушкин подвергает самому резкому критическому переосмотру и переоценке наследие Державина, что он ниспровергает «кумир» певца «Фелицы» и «Бога». «Ниспровержение» вообще не свойственно Пушкину. «Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабомыслия), к несчастиям, почитаемым у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удалством» (VII, 407), убеждение Пушкина, которое он в той или иной редакции повторяет очень часто. К тому же, эти оценки Державина находятся в частных письмах. Когда Пушкин говорит о Державине в статье, предназначенной для печати, или делает заметки на полях статьи П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова», он безоговорочно дает Державину только высокую оценку. В статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе и словесности...» (1836) он пишет: «Имя великого Державина всегда произносится с чувством пристрастия, даже суеверного» (VII, 407). А в «Заметках на полях...» (1825) упрекает Вяземского: «Милый мой, уважай Отца Державина! Не равняй его стихов с прозой Озерова!» (VII, 559). Пушкин хорошо понимал, что поэзия не стоит на месте, что у нее «зубки прорезались». В письме к брату (1824) он может шутливо заметить: «Жуковского я получил. Славный был покойник, дай бог ему царство небесное!» (X, 91). Он может спародировать Державина («Тень Фонвизина», 1815 г.). Но Жуковский всегда останется для него «кормилицей», а Державин «Отцом» русской поэзии.

О «Воспоминаниях в Царском Селе» сказано очень много, в том числе и о литературных влияниях на их автора. Особенно значительны труды таких известнейших знатоков поэзии Пушкина, как Б.В. Томашевский и Д.Д. Благой. И все-таки есть вопросы, которые требуют альтернативного решения или, по крайней мере, уточнения.

Трудно согласиться со взглядом на «Воспоминания...» как на произведение официальное, ибо написано по прямому заказу преподавателя лицея профессора А.И. Галича, что это якобы обязывает нас сделать «ряд скидок» «на данное обстоятельство»; что поэт «словно играет с тенями славного прошлого»; что все эти «памятники подвигам Екатерининских орлов» – всего лишь «оживленный хоровод масок»; что «хвала Александру I – «достойному внуку Екатерины» –

дань жанру и моменту»; что в дальнейшем поэт отходит от «орловства» и «героизма», «от государственно значимых восторгов»; что он пересматривает воинственные детские увлечения» [11].

Нет, «век военных споров», «вечная память двенадцатого года» пройдут через всю пушкинскую поэзию. Достаточно назвать оду «Александру» (1815), проникнутые пафосом высокого чувства национальной гордости стихи оды «Наполеон» (1821), батальные строфы поэмы «Полтава» (1828), «Вступление» к «Медному всаднику» (1833) и т. д., и т. д. В 1829 году будут написаны еще одни «Воспоминания в Царском Селе». Теперь, очевидно, никакие прямые заказы не могут повлиять на зрелого поэта, и нет момента, которому надо отдать дань. Но поэт не отказывается от «орловства», «от государственно значимых восторгов»:

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов...
Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрел (III, 154-155).

Образы державинской патриотической лирики живут в памяти Пушкина. Вот несколько стихов Державина, которые легко узнаются в поэме «Полтава»: «Благославляй судеб удар», «Еще удар – и где наш враг», «И тихим манием руки, Сзывает вокруг себя полки». Гоголь отмечает «гиперболический размах» речи Державина. Гиперболично, например, начало оды «На взятие Измаила»:

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево сияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударом вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, –
О росс! таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет! (48)

Это картина штурма русскими войсками крепости Измаил. В ней все напоминает батальные сцены Полтавской битвы у Пушкина (правда, без державинской метафоричности):

и здесь и там яркая грандиозность сражения, крупный план, стремительно меняющиеся эпизоды.

В стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», созданных Пушкиным в 1831 году в связи с польским восстанием¹, присутствие Державина особенно ощутимо. В них, воодушевленный историей страны, уверенный в ее «особом предназначении», которое «поразит будущего историка», Пушкин выступает как полпред нации. Напомню, что речь шла о национальной чести и государственных интересах России.

Державин

С Курильских островов до Буга
От Белых до Каспийских вод... (205)

Был враг Чипчак – и где Чипчаки?
Был недруг Лях – и где те Ляхи?
Был сей, был тот: их нет; а Русь?
Всяк знай, мотай себе на ус [5, с. 4].

Пушкин

...от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая... (III, 223)

Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: все стоит она!
А вокруг ее волненья пали (III, 226).

Возвращаясь к «Воспоминаниям в Царском Селе» (1814), следует сказать, что в современном литературоведении существует тенденция преуменьшить влияние Державина на их автора. «Имя Державина, с которым биографически связаны «Воспоминания...», заслонило имена Батюшкова и Жуковского, которым в действительности обязан Пушкин литературными уроками, необходимыми для создания первого крупного стихотворения» [14]. Влияние Батюшкова и Жуковского бесспорно. Оно доказывается прямыми фразеологическими совпадениями, параллелями из таких стихотворений Батюшкова, как «Мои пенаты» и «На развалинах замка в Швеции» или почти буквальным переносом несколь-

ких стихов Батюшкова из послания «К Дашкову». Но, как известно, и «державинское» слышится в водопадах, стекающих «бисерной рекой», в характерном для Державина образе Росса; от него – «идут – их силе нет препоны», «Исчезло все, великой нет», «За веру, за царя». Стихи Пушкина: «Когда под скипетром великия жены Венчалась славою счастливая Россия, Цветя под кровом тишины» являются оригинальной переработкой строфы из державинской оды «На счастье», которая начинается словами: «В те дни, как всюду скороходом Пред русским ты («счастье». – С. П.) бежишь народом

И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавре едешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу в фижмы наряжаешь,
Хохол Варшаве раздуваешь,
Коптишь голландцам колбасы...» (91).

Эти и другие стихи оды составляют «широкий обзор международной обстановки, выполненный Державиным в форме сатирических аллегорий и намеков, требующих подробной расшифровки для читателей. В «Объяснениях» к оде Державин поясняет, что «в сем куплете и в последующем описываются счастливые военные действия России и политически выгодные для России союзы» [15]. Речь идет об успехах русской внешней политики в Турции, Крыму, Швеции, Пруссии, Англии, Польше, Голландии и так далее. Рифма «великия жены» – «тишины» тоже неслучайна. Пушкин помнит стих из оды Державина «На взятие Измаила» – «Всяк мудрый любит тишину».

Элегические ноты в пушкинской оде, свидетельствующие о влиянии Батюшкова, связаны и с поэзией Державина, который предвосхищает в этом отношении своего младшего современника. Мотивы 44 строфы шестой главы романа «Евгений Онегин» автор увидел у Державина: «Как сон, как сладкая мечта, Исчезла и моя уж младость; Не сильно нежит красота, Не столько восхищает радость...» (78). В наиболее элегической первой части «Воспоминаний...» – картине ночного царскосельского парка – живет державинская лексика и фразеология из стихотворения «Персей и Андромеда».

¹ Отношение к названным стихотворениям более чем странное: стихи «заблуждение великого русского поэта, который отдал дань официальному патриотизму» [12]; или: они «трагическое недоразумение» [13].

Державин
Печальная страна
Вокруг молчит;
Из облаков луна
Чуть-чуть глядит,
Чуть дышат ветерки,
Чуть слышен стон
Царевниной тоски [5, т. 2, с. 148].

Пушкин
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках (I, 75).

В рукописи к заглавию стихотворения Державиным добавлено: «Кантата на победу Французов Русскими. Ода написана по случаю сражения при Прейсиш-Эйлау» [5, т. 2, с. 196]. Таким образом, элегическое у Державина, а затем у Пушкина органически связано с героическим и торжественным. Возникает жанр оды-элегии, тогда как стихотворение Батюшкова «К Дашкову» – чистая элегия.

Однако близость пушкинских «Воспоминаний...» к одам Державина обнаруживается не только через фразеологические совпадения. Наметившаяся у Державина связь личного и общего («Мой истукан», «На переход Альпийских гор» и др.) будет продолжена и развита Пушкиным в его патриотической поэзии. В «Воспоминаниях...» стихи о грозе двенадцатого года проникнуты непосредственным чувством личной ответственности молодого поэта за судьбу отчизны:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!.. (I, 78-79).

Пушкинское «я» неразделимо с «мы», здесь муза поэта впервые заявила о своей причастности к «славе нашей старины».

* * *

В 1819 году напечатано стихотворение Пушкина под названием совсем державинским: «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества госуда-

рыни императрицы Елисаветы Алексеевны»¹ (I, 333). В нем есть полемика с Державиным. Начинается стихотворение словами: «На лире скромной, благородной Земных богов я не хвалил <...> Я не рожден царей забавить Стыдливой музою моею». Эти стихи, тем более слово «забавить» явно целят в державинские стихи из его «Памятника»: «Что первый я дерзнул в забавном русском слоге О добродетелях Фелицы возгласить...» (144). Но здесь же, опять совсем по-державински Пушкин скажет: «Я пел на троне добродетель С ее приветною красой». Поэт имеет в виду Елисавету: «Я, вдохновенный Аполлоном, Елисавету втайне пел». Но можно предположить, что добродетель на троне не только супруга Александра I, но и он сам. Последние четыре стиха никак нельзя связать с именем Елисаветы: «Любовь и тайная свобода Внушали сердцу гимн простой, И неподкупный голос мой Был эхо русского народа». Скорее всего Пушкин говорит о «Воспоминаниях в Царском Селе», которые стали искренним гимном, эхом народного патриотизма. Но в них речь идет и о «достойном внуке Екатерины», принесшем «благодетельный мир земле». Для поэта всегда было непреложной истиной положительная роль Александра I в войне 1812 года. В своей первой «лицейской годовщине» – «19 октября» (1825) – он поднимает тост за царя, победителя Наполеона, основателя Лицея: «Ура, наш царь! так! выпьем за царя. Он человек! им властвует мгновенье. Он раб молвы, сомнений и страстей; Простим ему неправогоненье: Он взял Париж, он основал Лицей» (II, 282). А в последней «лицейской годовщине» 1836 года – «Была пора: наш праздник молодой» – Пушкин еще раз скажет: «Вы помните, как наш Агамемнон Из пленного Парижа к нам примчался. Какой восторг тогда пред ним раздался! Как был велик, как был прекрасен он, Народов друг, спаситель их свободы!» (III, 382). И нет здесь всесильной пушкинской иронии, как иногда говорят и пишут.

Д.Д. Благой справедливо пишет: «В силу условий того времени и личных обстоятельств Державина в стихах его звучал порой и «голос лестии»... Но сущностью творчества Державина был пафос правды» [16]. Летом 1825 года Пушкин еще раз перечитал всего Державина. Он помнит его стихи из «Видения Мурзы»: «Но пусть им здесь докажет

¹ В собраниях сочинений Пушкина оно называется «К Н.Я. Плюсковой».

муза, Что я не из числа льстецов; Что сердца моего товаров За деньги я не продаю» (45). Он помнит державинские стихи: «Я любил чистосердечье, Думал нравиться лишь им, Ум и сердце человецье Были гением моим» (243). В стихотворении «Друзьям» он завершит первую строфу державинским стихом: «Языком сердца говорю». Этими словами, хорошо известными русскому читателю, Пушкин-поэт-патриот поставит себя рядом с Державиным, другим «верным и прямым» сыном России.

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.-Л., 1949. Т. 7. С. 307-308. В дальнейшем ссылки на это издание помещаются в тексте с указанием тома и страницы.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 48.

3. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1950. Т. 6. С. 145.
4. Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1987. С. 49. В дальнейшем ссылки на страницы этого издания помещаются в тексте.
5. Сочинения Державина. СПб., 1895. Т. 3. С. 3.
6. Державин Г. Оды. Л., 1985. С. 242.
7. Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1957. С. 52.
8. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1948. Т. 2. С. 53.
9. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 277.
10. Дельвиг А. Стихотворения. Л., 1951. С. 86.
11. Сквозников В. Лирика Пушкина. М., 1975. С. 56, 59, 60.
12. Вопросы русской литературы. Львов, 1976. Вып. 2 (14). С. 46, 49-50.
13. Литературная учеба. 1980. № 2. С. 157.
14. Томашевский Б. Пушкин. М.-Л., 1956. Кн. 1. С. 60.
15. Западов А. В глубине строки. М., 1972. С. 42.
16. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). М., 1967. С. 162-163.

СЮЖЕТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «...ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ»

Ю.Э. Михеев

Mikheyev, E.Y. Topic unfolding in A.S. Pushkin's poem "... And I Visited Again." The article contains a literary interpretation of the famous poem.

Лирика как род литературы давно стала предметом пристального литературоведческого рассмотрения [1]. Есть, однако, такой участок этой объемной проблемы, который, на мой взгляд, на сегодняшний день недостаточно изучен. Я имею в виду временную основу лирического сюжета. Коль скоро литературный сюжет вообще представляет из себя «единство, движущееся во времени» [2], то и в лирическом произведении он тесно увязан и с самим понятием времени, и с сопровождающими его временными процессами. В предлагаемом исследовании такие связи и обнаруживаются – на материале стихотворения А.С. Пушкина «...Вновь я посетил».

Наличие сюжетного и, естественно, временного движения здесь не вызывает сомнения. Оно запечатлено уже в начальном слове «вновь». Указывая на повторность действия: «Вновь я посетил...» – поэт как бы возвращает себя самого – своего лирического героя,

в те места, где он уже когда-то был. Есть здесь и некая временная протяженность. Она отделяет сегодняшний день от прежнего пребывания поэта в тех же местах: «Уж десять лет прошло с тех пор...». Таким образом, налицо лирический сюжет на самом общем временном фоне: прошлое, которое становится предметом сегодняшнего лирического переживания – предметом настоящего: «Минувшее меня объемлет живо». Нынешние переживания лирического героя переносят прошлое в настоящее, оживляют его в сознании лирического героя:

И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах [3].

Из настоящего поэт видит и себя самого, тогдашнего, и «опальный домик, где жил» он «с бедной нянею» своей. И вся первая часть стихотворения держится на переносе про-